

РОЛЬ НОМАДОВ В ФОРМИРОВАНИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КАЗАХСТАНА

НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ Н.Э. МАСАНОВА

Handwritten text in a cursive script, likely Kazakh or a related language, on a piece of paper or parchment. The text includes a date "119" and various lines of script.

УДК 94(574)
ББК 63.3(5Каз)
Р 68

Редакционная коллегия:

И. В. Ерофеева, Б. Т. Жанаев, Л. Е. Масанова

Р 68 **Роль номадов в формировании культурного наследия Казахстана.** Научные чтения памяти Н. Э. Масанова: Сб. мат-лов Межд. науч. конф. – Алматы: Print-S, 2010. – 544 с. + 42 с. вкл.

ISBN 978-601-289-002-0

В данном издании представлены доклады и сообщения участников международной научной конференции «Роль номадов в формировании культурного наследия Казахстана» (Научные чтения памяти Н. Э. Масанова), состоявшейся в г. Алматы 23–24 апреля 2009 г.

В материалах сборника освещаются самые разнообразные аспекты материального и духовного наследия евразийских кочевников: предметы вооружения кочевых народов центральноазиатского региона, оставленные ими эпистолярные материалы, записи устных родословных-шежире и родоплеменные удостоверительные знаки (тамги), древнетюркские рунические надписи, петроглифы, объекты культовой и мемориальной архитектуры, памятники монументального искусства казахов, ойратов и др.

УДК 94(574)
ББК 63.3(5Каз)

ISBN 978-601-289-002-0

© Казахский научно-исследовательский институт по проблемам культурного наследия номадов, 2010

© ТОО «Print-S», оформление, 2010

«МЫ, НИЖЕПРИЛОЖИВШИЕ ИСТИННЫЕ ТАМГИ...»

(опыт идентификации родоплеменных знаков

казахов Старшего жуза)

Родоплеменные знаки казахов, исследование которых продолжается уже более 200 лет, принято считать хорошо изученными: фиксация их в оренбургских степях и в Прииртышье началась еще в конце XVIII в., и к середине XIX столетия была выполнена систематизация тамг Младшего жуза, собраны сведения о тамгах основных племен Среднего жуза, а после вхождения юга Казахстана в состав Российской империи в последней четверти XIX в. началась регистрация тамг Старшего жуза [1]. С накоплением этнографических материалов сложились представления о разнообразии тамг казахов, о способах их применения в традиционном кочевом обществе, и тогда же предприняты первые шаги к разработке методики научного анализа родоплеменных знаков как ценного исторического источника [2].

Для всех поколений исследователей XIX–XX вв. наиболее притягательной оставалась тема происхождения казахского этноса и вошедших в его состав племен и родов; природа и многообразие казахских тамг, казалось, давали возможность привлечения этого вида источников для решения подобных сверхзадач [3]. Однако на практике исследователям приходилось сталкиваться с препятствиями, которые сводили к минимуму достоверность полученных научных результатов: с неполнотой и противоречивостью имеющихся данных о тамгах казахских племен и родов. Этнография и письменные документы XIX – начала XX в. содержат большое количество примеров функционального применения казахами своих родоплеменных знаков, однако комплексного изучения в хронологическом и историко-географическом аспектах эти свидетельства пока не получили. Поэтому остаются нерешенными вопросы, связанные, например, с условиями предъявления общеплеменных и родовых тамг, сосуществования нескольких знаков одних и тех же родовых подразделений, хронологические и ареальные особенности начертания тамг и др.

Накоплен значительный материал по тамгам, нанесенным на поверхности погребально-культовых памятников позднего средневековья и нового времени Западного, Южного, Центрального и Восточ-

ного Казахстана. Особенно интенсивно ведется изучение памятников архитектуры кочевников Мангыстау и Устюрта, которое наряду с прочим предусматривает историко-этнографический анализ тамг и связанной с ними эпиграфики, что позволяет существенно дополнить и уточнить сведения о родоплеменных знаках Младшего жуза [4]. Преимущества этой категории источников заключаются в массовости и «иконографической адекватности» знаков, в географической и хронологической атрибутивности, что при картировании и сопоставлении с историческими данными позволяет выявлять ареалы расселения различных групп кочевников, выделять отдельные этапы их истории.

Особую разновидность составляют тамги, нанесенные вместе с петроглифами и эпиграфическими текстами на скалы вблизи сезонных стоянок, водных источников, на традиционных кочевых маршрутах и т. п. Функционально они отличаются от родовых знаков на памятниках погребальной архитектуры, и со временем, вероятно, среди них удастся выделить разные типы местонахождений, в том числе так называемые «энциклопедии» тамг, известные среди тюркоязычных кочевников под общим названием «Таңбалы-тас» (Тамгалы-тас). К сожалению, никто доселе не ставил перед собой задачу систематического сбора, классификации и издания корпуса этих уникальных по своей информативности исторических источников. Специалисты по древнему наскальному искусству редко уделяют внимание эпиграфике и знакам позднейшего периода; документирование тамг выполняется выборочно, и лишь немногие из них находят место в публикациях [5]. Идентификация тамг часто вызывает у исследователей затруднения, особенно когда дело касается родоплеменных знаков казахов Старшего жуза.

Интерес к указанной в подзаголовке теме возник в 2005 г., когда при обследовании одного замечательного памятника наскального искусства в горах Нуратау на границе Бухарского оазиса и Кызылкумов мой узбекский коллега М. М. Хужаназаров показал серию тамг, облик которых сразу напомнил многочисленные изображения подобных знаков на скалах Семиречья. Однако, пытаясь позже определить принадлежность этих наскальных изображений на основе общедоступных литературных источников, пришлось также столкнуться с противоречивостью и очевидной неполнотой данных о родоплеменных знаках Старшего жуза. Далекое не все имеющиеся в нашем распоряжении тамги-петроглифы могут быть уверенно идентифициро-

ваны; например, среди множества известных изображений тамг на памятниках Семиречья не встречаются знаки, подобные по начертанию тамге племени *сарыуысын*, как она рисуется во всех без исключения изданиях.

При ближайшем рассмотрении выясняется, что в распоряжении исследователей находится ограниченный объем данных о тамгах Старшего жуза, целенаправленное собирание которых впервые было организовано военным губернатором Сыр-Дарьинской области Н. И. Гродековым в 1884–1886 гг., а верификация и частичное их дополнение на основе этнографических опросов выполнены в 1950–1960-е гг. В. В. Востровым и М. С. Мукановым [6]. Анализ основной литературы по этому вопросу показал (рис. 1), что большинство исследователей, включая современных авторов, без должной критики принимают изображения тамг Старшего жуза, опубликованные более ста лет назад. Между тем известно, что сбор этнографических материалов и сведений по обычному праву кочевых народов, – в первую очередь интересовавших Н. И. Гродекова, – производился по его заданию А. Н. Вышнегорским среди казахов разных родов Младшего, Среднего и Старшего жузов, населявших тогда Сыр-Дарьинскую область. Сведения же о тамгах и уранах казахских племен, основная территория расселения которых находилась за пределами Сыр-Дарьинской области, были указаны Н. И. Гродековым со ссылкой на письменные источники или на данные информаторов А. Н. Вышнегорского, степень осведомленности которых теперь трудно установить.

В этой связи представляют интерес статистические сведения о кочевом населении Чимкентского уезда за 1884 г., приведенные Н. И. Гродековым и проанализированные позже Н. А. Аристовым [7]. Среди племен Старшего жуза наименее представленными в уезде были: «Сеуван» (*суан*) – 38 кибиток, «Сары Айсюн» (*сарыуысын*) – 40, «Шапрашты» (*шапырашты*) – 94 и «Абдан» (*албан*) – 239. Основная часть этих «большеордынских» племен в тот период кочевала в Семиреченской области [8], поэтому не исключено, что сведения об их тамгах были получены А. Н. Вышнегорским от лиц, не принадлежавших к ним по происхождению и мало осведомленных не только о форме тамг, но и о родовой структуре перечисленных племен. Косвенно об этом свидетельствует то, что в списке Н. И. Гродекова для *сарыуысын*, *албан*, *суан* и *шапырашты* указаны только племенные тамги, тогда как у *ысты* и *дулатов* представлены тамги племен, ро-

дов и некоторых отделений. Остальные племена Старшего жуза (*жалайыр, ошакты, сиргели, канлы, шанышкылы*) фигурируют в списке также без своих родовых отделений, однако – с несколькими разновидностями тамг (кроме *ошакты*), которые могли быть сообщены представителями составляющих эти племена родов. Все это заставляет с осторожностью относиться к собранию родоплеменных тамг Старшего жуза, помещенных в приложении к капитальному труду Н. И. Гродекова.

Н. А. Аристов, много лет отдавший службе в администрации Семиреченской области, будучи вице-губернатором Семиреченской области, едва ли не каждодневно видел десятки прошений и жалоб семиреченских казахов с их «своеручными тамгами», но в своем собственном исследовании предпочел воспользоваться сравнительно небольшой выборкой знаков, опубликованных Н. И. Гродековым. Метод комбинаторного анализа тамг, продемонстрированный Н. А. Аристовым на примере родовых знаков *дулатов*, оказался ограниченно применим в целом для «выяснения этнического состава киргиз-казахов Большой орды» ввиду «скудости сведений о тамгах самих большеордынцев, которые собраны, и то, конечно, не вполне, лишь в пределах Сыр-Дарьинской области» [9]. Добавим, что неполнота данных о тамгах Старшего жуза усугубилась неточностями графического воспроизведения некоторых знаков «по Гродекову» в журнальном издании работы Н. А. Аристова; здесь сказались неодинаковые полиграфические возможности двух разных типографий.

Так в дореволюционный период сформировался тот ограниченный круг источников по родоплеменным знакам Старшего жуза, на который вынуждены были опираться и все исследователи XX в., поскольку в советское время для этнографической науки Казахстана данная тема по идеологическим мотивам не могла стать ключевой. Примером некритического использования этой группы источников, почерпнутых из трудов «старых востоковедов», является известная работа С. А. Аманжолова «Вопросы диалектологии и истории казахского языка», в которой автор попытался вслед за Н. А. Аристовым применить метод сравнительного изучения тамг для выяснения состава и родства казахских племен. При этом исследователь пренебрег предупреждением Н. А. Аристова относительно состояния источников по тамгам Старшего жуза и, «не располагая также полным комплектом тамговых знаков у казахских родов и племен, все же» решил «сопоставить имеющиеся и сделать соответствующий вывод» [10].

Ошибочные заключения и сомнительные выводы, полученные в результате столь некорректного применения метода, едва не привели к его дискредитации [11].

К сожалению, немного ясности добавила в решение проблемы и замечательная монография В. В. Вострова и М. С. Муканова, которые были вынуждены часто искать компромисс между противоречивостью сведений своих предшественников и недостаточностью материалов собственных полевых исследований. Например, тамги родов *боттай* и *сикым* племени *дулат* характеризуются В. В. Востровым вариантами знаков, указанными Н. И. Гродековым, М. Тынышпаевым и С. А. Аманжоловым; при этом последние два автора заимствуют отдельные варианты тамг один у другого, и вместе – у Н. И. Гродекова и Н. А. Аристова. Полевые материалы привлечены В. В. Востровым только для уточнения общей племенной тамги *дулатов* – «донгелек». В трактовке племенных знаков *албанов* и *суанов* пришлось принять единодушное мнение своих предшественников, восходящее опять-таки к данным Н. И. Гродекова. Сведения информаторов позволили советским исследователям уточнить вид тамги племени *жалайыр*, хотя и здесь авторы были вынуждены заключить, что, «к сожалению, все известные нам письменные материалы по жалаирам не приводят тамговых знаков родов. Не удалось нам выяснить их и в период работы экспедиции» [12]. Выявление тамг Старшего жуза на этом, по-видимому, и заканчивается, поскольку вышедшие за последние полвека научные издания оперируют все тем же набором родо-племенных знаков; лишь в монографии, изданной в 2000 г. после смерти В. В. Вострова и М. С. Муканова, приводится другого вида тамга племени *суан* и несколько иначе воспроизведены знаки рода *шымыр* племени *дулат* [13].

В сложившейся ситуации решению проблемы могли бы служить новые этнографические исследования для сбора материалов по тамгам Старшего жуза, и с этой целью в 2007–2008 гг. сотрудниками КазНИИ по проблемам культурного наследия номадов (далее – КазНИИ ПКНН) в ходе полевых историко-археологических исследований в Семиречье, Южном и Восточном Казахстане проводились тематические опросы, формат которых включал регистрацию родо-племенных знаков и сведений о родовой принадлежности информаторов. Но, к сожалению, положительного результата удавалось достигнуть не всегда, поскольку люди старшего поколения, родившиеся в советское время, обычно не знают тамги своего рода или указывают знаки, из-

вестные им из научно-популярных и других изданий, основанных на упомянутых выше источниках [14]. В отдельных районах Алматинской, Восточно-Казахстанской и Южно-Казахстанской областей все же удалось собрать небольшую коллекцию тамг Старшего и Среднего жузов, достоверность которых подтверждается разными информаторами и не вызывает сомнений. Однако малочисленность этнографической коллекции тамг заставила обратиться к источникам, значение которых сегодня трудно переоценить, – оригинальным письменным документам XIX – начала XX в., авторы которых, – казахи Старшего жуза Семиреченской и Сырдарьинской областей, – хорошо знали и традиционно пользовались этой специфической знаковой системой. Аутентичность и историческая репрезентативность документов, выраженная в устойчивой эпистолярной формуле того времени «Мы, нижеприложившие истинные (варианты – “своеручные”, “свои” и др.) тамги...», делают правомерным привлечение данной категории источников для идентификации казахских родоплеменных знаков. Не претендуя на завершенность исследования, ниже излагаются некоторые предварительные результаты работы с историческими документами.

На текущий момент автором изучено более 250 дел из 11 фондов Центрального государственного архива Казахстана [15]. Наиболее информативными и ценными для нашей темы оказались материалы следующих фондов: И-3 (Начальник Алатавского округа и киргизов Большой орды, г. Верный, 1848–1867 гг.), И-21 (Канцелярия военного губернатора Семиреченской области по Кульджинским делам Министерства иностранных дел, г. Верный, 1871–1882 гг.), И-41 (Верненское уездное управление Министерства внутренних дел, г. Верный, 1862–1919 гг.), И-44 (Семиреченское областное правление Министерства внутренних дел, г. Верный, 1866–1919 гг.), И-64 (Канцелярия степного генерал-губернатора Министерства внутренних дел, г. Омск, 1868–1917 гг.), И-145 (Управление туркестанского участкового пристава, г. Туркестан, 1879–1919 гг.), И-374 (Пограничное управление сибирскими киргизами Министерства иностранных дел, г. Омск, 1826–1857 гг.). Выявленные документы охватывают хронологический интервал с 1845 по 1910 гг. и по содержанию разделяются на несколько категорий:

- служебная переписка должностных лиц местного самоуправления с представителями колониальной администрации;
- списки должностных и частных лиц, награжденных за службу и «оказанные российскому правительству услуги»;

– баллотировочные листы и общественные приговоры (решения коллективных представителей различных территориально-административных подразделений по вопросам землепользования и выборам местной администрации);

– прошения (жалобы) частных лиц и коллективных представителей аулов, волостей к колониальной администрации;

– следственные документы (протоколы допросов, свидетельские показания).

Особую категорию документов образуют служебные рапорты чиновников русской администрации по вопросам управления кочевым населением, содержащие порой весьма ценные сведения этнографического характера, в том числе о родоплеменном составе казахов Старшего жуза, их родословных и тамгах. Среди них выделяются документы, подготовленные такими знатоками обычаев и быта кочевого населения дореволюционного Семиречья, как Н. М. Изразцов, Н. Н. Пантусов и Н. А. Аристов. Необходимым дополнением к основным категориям документов выступают данные переписей населения (списки юртовладельцев), а также материалы по административному устройству области, организации волостей и уездов и т. п.

Изученные документы составлены на русском языке: значительную группу образуют переводы с тюрки, приложенные к оригинальным текстам с тамгами; другую группу представляют написанные по-русски тексты с тамгами заявителей. С сожалением отметим, что в ходе поиска в перечисленных фондах архива выявлено немало дел, в которых сохранились лишь переводы подлинных текстов; сами оригиналы зачастую с указанием родовой принадлежности их авторов (просителей) и тамгами уничтожены, вероятно, как малоценные документы при многочисленных ревизиях архива и макулатурных кампаниях советского времени [16].

Суммарное количество тамг архивной коллекции сегодня составляет 435 изображений, из которых более 300 идентифицированы как тамги племени, рода или отделения. По начертанию знаков (без учета их положения) выделено 18 видов родоплеменных тамг Старшего жуза. Помимо этого имеется небольшая серия тамг султанов (рис. 5) и ходжей, отдельных племен Младшего и Среднего жузов, а также кыргызских, туркменских родов и семейно-личных знаков оседлого населения (таранчи, сарты) долины р. Или и присырдарьинских городов XIX в.

Различаясь по жанру и времени создания, документы неравноценны по своей информативности. Наиболее важными для нашего исследования являются те из них, в которых содержится прямое ука-

зание на принадлежность автора (тамгопредъявителя) к тому или иному племени, роду, отделению. Обычно это индивидуальные или коллективные прошения доверенных лиц, адресованные уездной и областной администрации, например: «его высокоблагородию Генерального штаба полковнику Полторацкому альжановского рода киргиза Топя Танатарова прошение» [17] или «почтеннейшему депутату султану полковнику Аблесу Алину Джанысовской волости киргизов родов калкан, пучук, иткара и каржау прошение» [18]. Для верификации сведений о клановой принадлежности тамгопредъявителей дополнительно привлекались именные списки награжденных, а также списки юртовладельцев, в которых нередко перечислены отделения родов, входивших в административные аулы. При выявлении трех и более документов, подтверждающих начертание тамги разными представителями одного родового отделения, знак может считаться идентифицированным.

Впрочем, документов такого типа с прямым указанием рода тамгопредъявителя в коллекции насчитывается немного. Во-первых, как сказано выше, это связано с утратами архивных фондов. Во-вторых, хронологически они относятся в основном к периоду до административной реформы 1868 г., главной целью которой было ослабление «родового начала» среди кочевого населения вновь приобретенного края, что отразилось и на характере тогдашнего делопроизводства. Так, с конца 1860-х гг. форма официальных документов содержит лишь указание административной приписки тамгопредъявителей («его превосходительству господину военному губернатору Семиреченской области десятников № 2 аула Сарытокумской волости прошение» [19]), которые о своей родовой принадлежности уже не упоминают или заявляют об этом косвенно, например, аргументируя ходатайство о перечислении в другую волость к «родственникам», «однородцам» [20]. В большинстве подобных случаев установить родовую принадлежность тамгопредъявителей удастся через поиск в поаульных списках юртовладельцев того же времени или из контекста других документов различного содержания. Точно так же требуется привлечение дополнительных источников для идентификации тамг на баллотировочных листах и общественных приговорах, составлявшихся при выборах волостных управителей, биев или при назначении ежегодного жалования должностным лицам местной администрации и т. д. Особую ценность приобретают в таких случаях отчеты (рапорты) чиновников, проводивших разбирательство дел о на-

рушениях во время выборов или о земельных спорах, в которых наиболее часто проявлялись родовые коллизии и соперничество лидеров различных «партий», в суть коих приходилось вникать уездному и областному начальству.

Наконец, историческая и географическая цельность изученных архивных источников позволила получить серии персональных тамг, воспроизведенных в разные годы одними и теми же людьми на документах различного характера и содержания. Этот уникальный массовый материал открывает возможность прояснить некоторые вопросы, связанные с обычаями тамгопредъявления в казахском обществе дореволюционного периода. Таким образом, научная значимость архивной коллекции тамг выходит далеко за рамки формальной систематизации некоторого числа клановых символов. Выявляющаяся сложная система функционального применения родоплеменных знаков и разнообразие их видов тесно сопряжены с генеалогической структурой казахского общества и большим кругом общественных, экономических и политических отношений, маркером которых она, по существу, и выступала на протяжении длительного исторического времени. Однако первоочередной задачей на пути дальнейших исследований в этом направлении, как и сто с лишним лет назад, остается идентификация племенных и родовых тамг.

В состав Старшего жуза в XIX в. входили 11 племен, каждое из которых разделялось на роды и отделения, неодинаковые по своему происхождению и численному составу: сарыуайсын, дулат, албан, суан, сиргели, канлы, ысты, шанышкылы (катаган), ошакты, жалайыр и шапырашты [21]. Одним из племен, обитавших с древнейших времен на территории Семиречья, потомки которого впоследствии вошли в ядро племенного союза казахов Старшего жуза, а также в состав ряда других народов Средней Азии, являются уйсыны. Согласно традиционной генеалогии казахов, родоначальником основных племен Старшего жуза считается Уйсын, а его потомками – Сарыуайсын, Дулат, Албан, Суан и другие, в связи с чем до XIX столетия сохранилось собирательное название этого племенного союза – «уйсуновская», или «юсуновская», орда [22]. Попытки соотнести данные традиционной генеалогии с формой племенных тамг Старшего жуза были предприняты сначала Н. А. Аристовым, а позже В. В. Востровым и М. С. Мукановым. Но материалы собранной нами коллекции знаков позволяют уточнить и пересмотреть некоторые выводы названных исследователей.

Сарыуысын

«Сары-уысуны по тамге оказываются не имеющими ничего общего с дулатами и их родичами...», – к такому заключению пришел Н. А. Аристов [23] на основании рисунка тамги, опубликованного Н. И. Гродековым (рис. 1). Однако в просмотренных нами документах среди нескольких сотен тамг казахов Семиречья и Сырдарьинской области подобное изображение как самостоятельный знак не встречается. Не обнаружен он также в документах Сары-Юсюновской волости Алатавского округа 1865–1867 гг. и Сарытокумовской волости, образованной в 1868 г. в основном из сарыуысынов [24], «когда Или сделалась границей Верненского и Копальского уездов; сары-уысуны же, считающиеся родичами дулатов, не пожелали остаться в Копальском уезде, где дулатов не было, и перешли на левый берег Или в Верненский уезд, чтобы жить с дулатами» [25]. В коллекции есть две персональные тамги 1846 г. известного бия сарыуысынов Сары Алтаева (рис. 2, сарыуысын: 1–2) и более десятка тамг аульных старшин, почетных лиц и рядовых тамгопредъявителей того же племени, датирующихся 1867 и 1873 гг. [26].

Во всех случаях тамга сарыуысынов выглядит как окружность с прямой линией, отходящей вниз и пересеченной посередине короткой чертой, т. е. как знак, напоминающий «зеркало Венеры». Насколько можно судить по имеющимся образцам, основное положение тамги – окружностью вверх; в случаях, когда список «нижеприложивших тамги» на документе не оставляет достаточно места для вертикального расположения знака, тамга рисуется горизонтально, окружностью вправо (рис. 2, сарыуысын: 5–6). К сожалению, пока не удалось выявить тамги родовых отделений сарыуысын, но, думается, начертание их было сходным с общеплеменным знаком.

Дулат

Племя дулат состоит из четырех родов – *боттай*, *сикым*, *шымыр* и *жаныс*, разделяющихся на большое количество отделений. Родословное древо каждого из родов выглядит чрезвычайно разветвленным, и ни одно из современных научных исследований, насколько можно судить, не охватывает всех ответвлений роскошной «кроны». Для идентификации тамг архивной коллекции предпочтение отдано новейшему академическому изданию [27], дополняемому сведениями о родовом составе

дулатов и других племен Старшего жуза, собранными сотрудниками уездных организационных комиссий в 1867–1868 гг. и служащими Семиреченской областной администрации во второй половине XIX в.

Общеплеменным знаком дулатов практически всеми исследователями признается тамга в виде окружности (*донгелек*); только М. Тынышпаев без ссылки на источники приводит несколько иную тамгу – окружность, пересеченная вертикальной чертой (*рис. 1*). В выборке изученных нами архивных документов оба знака встречены всего несколько раз, но идентифицировать их пока не удастся. Как выглядела общеплеменная тамга дулатов, помогают выяснить собранные материалы по тамгам дулатовских родов.

Ботпай. В коллекции имеются серии персональных тамг известных биев рода ботпай Сыпатая Алибекова (1781–1868 гг.; *рис. 2*, ботпай: 4–6) [28] и Казыбека Тайтелина (*рис. 2*, ботпай: 1–2) [29], датируемые 1846–1847 гг., а также большое количество знаков других тамгопредъявителей. Наиболее часто в документах представлен знак того же типа, что и тамга племени сарыуйсун. Но наряду с этим есть знак с дополнительной черточкой, отходящей от окружности влево или вправо вверх. В частности, такая тамга изображена Сыпатаем на документе присяги на «верноподданство» России и на соглашении с кыргызскими манапами «жить дружно и в спокойствии» [30]. Целая группа документов, относящихся к 1873–1880 гг., позволяет идентифицировать этот знак как тамгу рода ботпай отделения кудайкул (*рис. 2*, кудайкул: 1–3) [31]. Не исключено, что данная тамга имела и общеродовое значение. Также есть несколько образцов тамги не с одной, а с двумя короткими линиями, отходящими от окружности, которые принадлежат представителям подотделения алимжан того же отделения кудайкул (*рис. 2*, кудайкул: 4–6) [32]. Сходная тамга поставлена Сыпатаем еще на одном документе 1847 г. (*рис. 2*, ботпай: 6) [33].

Жаныс. Тамги этого многочисленного рода отличаются разнообразием. Одной из основных тамг рода жаныс, как и ботпай, является знак, подобный тамге племени сарыуйсун. Вместе с тем серии персональных тамг старшин семиреченских жанысов Тугонбая Койгельдина (*рис. 2*, дулат: 8; жаныс: 2, 5) [34], Ажикея (Ачекея) Даирбекова (*рис. 2*, жаныс: 1, 4) [35], выявленные на документах 1840–1860-х гг., включают и знаки иного вида: дугообразную линию в форме полумесяца, развернутого концами вверх, вниз или в стороны. Тамга данного вида (*рис. 2*, каскарау, байыс: 3, 4, 7) [36] часто встречается на документах 1860–1870-х гг., составители которых принадле-

жали подразделениям жолсейит, пушык, калкан, кыржау, иткара, акмамбет разных отделений рода жаныс, из которых были образованы Джаныс-Баисовская (названа по численно преобладавшему отделению – байыс), а затем Талгарская волости [37]. Среди документов этой группы выделяется прошение 1867 г. начальнику Алатавского округа и киргизов Большой орды «джанышевского рода, волости Базил-Тугумбаевой [38], 6-ти старшин и 1-го бия и почетных киргизов», в котором наряду с тамгой в форме полумесяца присутствуют ее усложненные варианты, напоминающие серп с рукоятью, развернутый влево или вправо (*рис. 2, каскарау, байыс: 5–6*) [39]. К сожалению, это пока единственный документ с подобными тамгами, но достоверность их не вызывает сомнений. По данным переписи дореформенного периода (1865 г.), указанные в прошении аульные старшины возглавляли общины родового отделения байыс – жолсейит и жарты [40]. Можно добавить, что в отличие от тамгопредъявителей этих отделений рода жаныс представители другого крупного отделения – каскарау – неизменно на документах изображали знак, подобный тамге племени сарыуйсын (*рис. 2, каскарау, байыс: 1–2*) [41].

Этими примерами разнообразие родовых знаков жанысов не исчерпывается, однако работа по их идентификации еще не завершена. В частности, среди выявленных тамг рода жаныс имеется знак в виде двух соединенных под острым углом линий, принадлежность которого к какому-либо отделению с уверенностью установить пока не удастся (*рис. 2, жаныс: 6–7; каскарау, байыс: 8*) [42].

Сикым и шымыр. Тамги отделений этих дулатовских родов в настоящее время не идентифицированы, но архивные данные позволяют заключить, что представители сикым и шымыр Семиреченской области второй половины XIX в. в качестве родового знака предпочитали изображать все ту же тамгу племени сарыуйсын. В частности, известные нам документы, составленные казаками Сейкимовской волости Верненского уезда, которая за малым исключением была населена представителями этого рода, не содержат иных вариантов тамги [43].

Таким образом, основная тамга всех родов племени дулат имела сходный вид и фактически являлась их общеплеменным знаком; наряду с этим существовали особые тамги родов и отделений – сыновние, отличавшиеся от основной тамги одним-двумя элементами, как у рода ботпай, или производные от нее, как у некоторых отделений рода жаныс. Важно отметить, что общеплеменная тамга дулатов идентична по форме тамге племени сарыуйсын.

Албан

В 1897 г. увидела свет работа Н. М. Изразцова «Обычное право (адат) киргиз Семиреченской области» [44], представлявшая собой сокращенный вариант оригинального исследования, рукопись которого хранится в ЦГА РК (Ф. И-64. Оп. 1. Д. 4236) и публикуется казахстанскими архивистами Б. Т. Жанаевым и Н. П. Кропивницким в альманахе «Исторический архив Казахстана» под названием «Степные обычаи и законы. Записки и письма капитана Н. М. Изразцова о народных обычаях казахов Семиреченской области. 15 июня 1879 г. – 5 февраля 1881 г.»¹. Будь в свое время осуществлена полная публикация этого исследования, возможно, удалось бы избежать еще одного столетнего заблуждения, касающегося тамги племени албан. «Все албаны, – пишет Н. М. Изразцов, – имеют общую тамгу \times° , и только до 20 юрт (семей) рода альджан имеют свою особую тамгу – \times° » [45]. Категоричность этого заявления настораживает, так как сведения Н. М. Изразцова о родословной албанов небезукоризненны по своей полноте и достоверности, но анализ архивной коллекции тамг в целом подтверждает мнение исследователя.

Действительно, общая тамга племени албан и многих его родов (кызылборик, конырборик, жарты, айт, бозым) подобна тамге сарыуисын и дулат (*рис. 2*, албан: 1–11) [46]. Отличие, возможно, заключается в менее устойчивом положении знака, поскольку на имеющихся документах общеплеменная тамга албанов чаще, чем у других племен Старшего жуза, бывает изображена окружностью вниз, вправо или влево. Также подтверждается архивными документами принадлежность тамги в виде окружности с тремя равными лучами роду алжан (*рис. 2*, алжан: 2–3) [47] и его отделению аламан (*рис. 2*, аламан: 1–3) [48]. Кроме того, сведения Н. М. Изразцова и архивные данные об этой тамге подкрепляются материалами этнографического опроса, проведенного в 2008 г. Б. Н. Калдыбековым (КазНИИ ПКНН) в ауле Актасты Райымбекского района Алматинской области.

Однако в ходе архивного поиска выявлена группа документов 1875 г. с еще одной разновидностью тамги албанов в форме окружности с двумя линиями, отходящими вниз и вправо вверх (*рис. 2*, баба, жаныбек: 1–3); как удалось установить, серии персональных тамг та-

¹ Автор выражает глубокую признательность Б. Т. Жанаеву за предоставленную возможность ознакомиться с неопубликованным полным текстом рукописи.

кого вида принадлежали казахам рода бозым отделений баба и жаныбек Меркинской волости Верненского уезда [49]. Наряду с тамгой родовых отделений в этих сериях присутствует и общеплеменная тамга албанов (*рис. 2, бозым: 1–2*) [50].

Наконец, имеется небольшое количество документов 1868 и 1876 гг. с тамгами в виде окружности с отходящей вниз вертикальной или наклонной влево/вправо линией (*рис. 2, шоган: 2*) [51]; часть из них принадлежит албанам рода шоган, другие, возможно, некоторым отделениям рода конырборик (*рис. 2, конырборик: 2–3*) [52].

Таким образом, собранные архивные и этнографические материалы позволяют сделать несколько важных выводов, касающихся родоплеменных знаков албанов. Во-первых, приписывавшийся им ранее знак (по Гродекову) как общеплеменная тамга албанов в документах XIX в. не зафиксирован; в качестве таковой фигурирует знак, сходный по начертанию с тамгой сарыуйсынов и дулатов, но часто в горизонтальном или перевернутом положении. Во-вторых, установлено, что наряду с основной тамгой некоторые отделения, по меньшей мере, трех родов (шоган, алжан и бозым) пользовались тамгами особого вида, одна из которых ранее ошибочно приписывалась всем албанам (*рис. 2, шоган: 2*), вторая – дулатам рода ботпай (*рис. 2, алжан: 2*), а третья – племени суан (*рис. 2, баба, жаныбек: 1–3*).

Суан

В архивной коллекции имеются знаки двух видов, идентифицированные как тамги суанов. Кроме тамги, общей для племен сарыуйсын, дулат и албан, представленной, например, на известном документе 1845 г., где «рода сувановского, отделений: байтюгей, турдунбет, мурат... бий Кожембет Ибеев тамгу приложил» (*рис. 2, суан: 1*) [53], существует знак в виде окружности с отходящей от нее вниз, влево или вправо прямой линией (*рис. 2, суан: 3–4*) [54]. Этот же знак присутствует на прошении 1867 г. аульного старшины рода токарыстан отделения турсын Атакана Сорукова (*рис. 2, турсын*) [55] и многократно – на документах 1860–1870-х гг. в сериях персональных тамг казахов разных отделений родов токарыстан и байтогей Капальского уезда [56]. Имеющиеся архивные материалы позволяют рассматривать именно эту тамгу как общеплеменной знак суанов; очевидно, определение его Н. И. Гродековым и другими исследователями как тамги племени албан следует признать ошибочным. Среди

тамг суанов в архивной коллекции нет также ни одного примера, чтобы знак этот был изображен перевернутым, как показано у авторов монографии 2000 г. [57]

Жалайыр

Тамги этого крупного племени Старшего жуза в архивной коллекции особенно многочисленны; благодаря обилию информативных документов удалось идентифицировать тамги не только большинства родов жалайыров (*рис. 4*), но и выявить некоторые особенности начертания этих знаков казахами Семиречья и Сырдарьинской области XIX в. Результаты нашего исследования подтвердили правильность трактовки Н. И. Гродековым и другими авторами племенной тамги жалайыров в виде трех параллельных линий, соединенных сверху горизонтальной чертой (*рис. 4*, жалайыр: 1, 3, 7, 9) [58]. Обычно так прорисовывали свою тамгу семиреченские жалайыры, в то время как их сырдарьинские соплеменники изображали ее с небольшим завитком на одной из крайних линий, что, вероятно, может рассматриваться как локальная палеографическая особенность (*рис. 4*, жалайыр: 5–6, 11–12) [59].

Тамга в форме гребня («тарак») являлась общей и, по-видимому, единственной тамгой племени жалайыр и его родовых отделений. Имеющиеся архивные материалы позволяют заметить некоторые отличия в положении тамги у разных родов жалайыров, но утверждать, что эти отличия не случайны, пока сложно.

Шапырашты

Коллекция родовых знаков шапырашты столь же репрезентативна, и разновременные документы позволяют выявить тамги основных родов и их отделений. Общеплеменным знаком шапырашты выступает тамга в форме равностороннего или равнобедренного треугольника («тумар»), обращенного основанием или вершиной вверх (*рис. 4*, шапырашты). Какие-либо особенности в начертании тамги представителями разных родов шапырашты не выявляются, хотя в нескольких случаях наряду с основным знаком присутствуют, по-видимому, его сыновние варианты – с отходящей от основания треугольника одной линией или с двумя, пересеченными крестом [60]. К сожалению, достоверно определить принадлежность этих знаков не удастся.

В архивной коллекции имеется небольшое количество тамг других племен Старшего жуза – *ысты, канлы, сиргели, ошакты и шаншыкылы*, но работа по их выявлению еще не завершена.

Предварительные результаты систематизации родоплеменных знаков Старшего жуза, идентифицированных на основе архивных источников, обобщенно представлены в таблице (рис. 2 и 4). Разумеется, здесь еще остается немало «белых пятен», и до их заполнения этот ценный исторический материал не может безоговорочно использоваться для анализа общей структуры Старшего жуза и выяснения родства составляющих его племен и родов. Тем не менее уточненные данные о тамгах основных племен позволяют уже сейчас сделать некоторые выводы. Во-первых, в подтверждение исторического наименования «Юсуновской орды» выявлено истинное начертание тамги племени сарыуысын, одновременно выступавшей как общеплеменной знак дулатов, албанов и суанов; собственные знаки этих союзных племен тождественны по начертанию тамге сарыуысынов или сходны с ней по основным элементам – окружность и вертикальная линия (суан). Родовые тамги тех же племен являются производными от основной тамги либо принципиально отличаются от нее, обозначая в первом случае прямую линию родства (дулат-ботпай-кудайкул) или наоборот – неоднородность входящих в клановую систему отделений (дулат-жаныс-байыс). Следующий вывод касается уточнения тамги племени шапырашты, которому раньше приписывались различные по начертанию варианты знака. Архивные источники позволяют однозначно решить этот спорный вопрос в пользу тамги в форме треугольника (*тумар*), а также наглядно демонстрируют гомогенность родовых подразделений племени шапырашты.

* Практическая значимость систематизированной коллекции тамг Старшего жуза заключается, прежде всего, в том, что появляется возможность ввести в научный оборот массовый, ранее ограниченно востребованный вид исторических источников. Это может быть проиллюстрировано несколькими примерами идентификации казахских родоплеменных знаков в петроглифах Семиречья и Восточного Казахстана.

Кегенский арасан – целебный минеральный источник, расположенный в Алматинской области, недалеко от с. Кеген, на правом берегу одноименной реки, у гор Актасты. Прозрачная вода арасана струится от подножия отвесной скалы, на семи поверхностях которой выбито более 20 тибетских и ойратских надписей, в основном

молитвенного содержания. Кегенский арасан был обследован в мае 1900 г. известным собирателем древностей Семиречья Н. Н. Пантусовым [61], который дал подробное описание памятника и сделал тогда же несколько его фотографий. На одной из них (*рис. 7: 2*) [62] запечатлено основное панно с тибетскими надписями, возвышавшееся над источником; на снимке отчетливо видны (к сожалению, сегодня этот участок скалы сильно поврежден современными граффити и замазан краской; см. *рис. 7: 1*) процарапанные ниже надписей крупные изображения знаков: один в виде окружности с отходящими в разные стороны тремя длинными лучами и ниже другой – развернутая вправо «юсуновская» тамга (*рис. 7: 3*). Знаки были нанесены на скалу явно позже надписей и принадлежат, как теперь можно определить, племени албан и его роду алжан, представители которого и в настоящее время населяют эту часть долины р. Кеген. Разумеется, датировка изображений не выходит за рамки XIX столетия, а более точно установить время появления казахских тамг на скалах Кегенского арасана позволяет анализ имеющихся исторических данных.

Тибетские и ойратские эпиграфические тексты составляют наиболее ранний пласт памятника и датируются в пределах последних десятилетий XVII – середины XVIII в. Их создание связано с локализацией в этот период на территории Илийского левобережья кочевой ставки (урги) правителей Джунгарского ханства. Однако часть текстов могла появиться позже, вплоть до середины XIX в. После разгрома Джунгарского ханства долины Кеген и Каркары были заняты во второй половине XVIII в. кыргызскими племенами, делившими здесь летние пастбища с казахами Старшего жуза, которые расселились в предгорных долинах левобережья Или; их восточными соседями в верховьях рек Кеген и Текес оставались кочевые ойратские племена, принявшие подданство Китая [63]. Капитан А. Голубев, путешествуя по заданию Русского географического общества, посетил в 1859 г. Кегенский арасан и оставил следующее его описание: «Из невысокой горы вытекает холодный ключ... Говорят, что этот ключ имеет целебное свойство, и калмыки ездят сюда лечиться; около ключа, на скалах, высечены надписи: вероятно, какое-нибудь изречение из буддийских священных книг» [64]. Во время антикитайского восстания в Кульдже зимой 1864 г. кыргызы племен богу и сарыбагыш вместе с казахами племени албан совершили набег и разграбили на Текесе тогда еще действовавший калмыцкий монастырь Сумбе, разрушили кумирню и дома лам, а обитателей его истребили [65].

В 1870-е гг. албаны и кыргызские племена окончательно вытеснили калмыков с их кочевок в верховьях Каркары и Текеса, и поклонение ламаистов у скал Кегенского арасана прекратилось. После утверждения российско-китайской границы по Тянь-Шаню в 1882 г. административно-территориальное устройство Семиреченской области претерпело изменения, и земли по рекам Кеген, Каркара и Текес, занятые прежде кыргызами, полностью отошли к кочевьям албанов Айт-Аламановской волости Джаркентского уезда, на территории которой оказался и Кегенский арасан [66]. По-видимому, ко времени этого внутреннего размежевания и борьбы за лучшие кочевья между албанами, кыргызами и калмыками относятся казахские тамги на скалах арасана, запечатленные на фотоснимке Н. Н. Пантусова.

Чу-Илийские горы чрезвычайно богаты петроглифами разных эпох, и наскальные изображения казахских тамг здесь также многочисленны, что в сравнении с восточной частью Семиречья, с памятниками Джунгарского Алатау, составляет, на наш взгляд, особенность левобережной – заилийской территории края. Тамги зафиксированы во многих пунктах центральной и южной части Чу-Илийского мелкосопочника. В отличие от родоплеменных знаков средневековых кочевников, которые нередко сопровождают одновременные композиции петроглифов и локализуются вне строгой связи с памятниками других видов (поселениями или могильниками), тамги казахов, как правило, приурочены именно к местам стоянок, отчетливо различимы на местности, словно выставлены напоказ, и в целом выступают самостоятельным элементом в репертуаре наскального искусства нового времени. Они часто встречаются на скалах вблизи старых зимовок с остатками каменных или сырцовых стационарных построек, датирующихся по находкам посуды фабрик М. С. и И. Е. Кузнецовых последней третью XIX – началом XX в. Крайне редко в Семиречье тамги встречаются на некрополях, что также можно отнести к региональным отличиям.

Наиболее распространенным знаком в юго-западных районах Чу-Илийских гор, тяготеющих к Чуйской долине (Жайсан), а также к северу от долины р. Копа (горы Кулжабасы, Доланкара, урочища Шолакжартас, Тамгалы, Каракыр) является тамга в виде окружности с двумя перекрещенными линиями снизу; иногда концы поперечной линии слегка подняты кверху или опущены вниз (рис. 9: 1–2, 4–5). Как установлено при анализе архивной коллекции тамг, этот знак применялся в качестве общей тамги сарыуысынами и дулатами,

а также (с некоторыми нюансами расположения знака) албанами и суанами, образывавшими вместе ядро «юсуновского» племенного союза в составе Старшего жуза.

Осенью 1897 г. Н. Н. Пантусов совершил археологическую поездку в юго-восточный район Чу-Илийских гор, проехав от каньона р. Курты (Куртинский Капчагай) вдоль края песков Таукум до урочища Жалпактас; возле колодца на р. Караеспе на невысокой скале он обнаружил «изображение человеческого лица и проч.» [67]. На присланных в Археологическую комиссию фотоснимках (*рис. 8*) [68] видны сделанные, по-видимому, краской два изображения тамги и несколько непонятных рисунков; нижняя тамга действительно напоминает антропоморфную фигуру с личиной: в центре окружности схематично показаны глаза, нос и рот, а линии перекрестия слегка опущены книзу, как разведенные в стороны руки. От личины вверх отходит короткая линия с изгибом. Можно заметить, что эта и другие детали рисунка, передающие антропоморфные черты (глаза, нос и рот), выглядят ярче и, по-видимому, дорисованы позже при подновлении первоначального изображения тамги. Вторая тамга сходна с ней по размерам, но концы поперечных линий плавно изгибаются кверху.

О возрасте рисунков у колодца на р. Караеспе судить трудно, но сделанные на открытой поверхности минеральной краской они вряд ли долгое время оставались бы так отчетливо различимы, как видно на фотоснимках Н. Н. Пантусова. Принадлежность первой тамги, отбросив поздние добавления к рисунку, может определяться ее сходством со знаком дулатов рода ботпай. Вторую тамгу предпочтительнее связать с сарыуysiнами, исходя из свидетельства Н. Н. Пантусова о месторасположении колодца в Сарытокумовской волости, на границе с Куртинской, населенной казаками племени шапырашты.

В последней трети XIX в. территория Куртинской волости, вклиниваясь между землями сарыуysiнов Сарытокумской и дулатов Аныракайской волостей, простиралась на север до долины р. Ащысу. Здесь в одном из пунктов урочища Серектас, на скале над руинами стационарной зимовки, рядом с общеплеменной тамгой шапырашты («тумар») выбита именная надпись на тюрки «Малыбай Килбайулы» и дата «1869 год» (*рис. 6*). В списке юртовладельцев Куртинской волости Верненского уезда за 1871 г. Малдыбай, сын Кийлибая Джанакина (Джанаханова), значится в № 3 ауле, состоявшем из представителей отделений ажике и кеней рода асыл племени шапырашты; совместно с отцом он владел 400 баранами, 54 лошадьми и 8 вер-

блюдами [69]. Имя зажиточного и, по-видимому, деятельного Малдыбая Кийлибаева встречается и в других документах архива, из которых известно, что уже в 1879 г. он был избран волостным управителем, а отец его – старшиной того же аула [70]. Впрочем, в тех же документах указано, что Малдыбай был неграмотным, поэтому надпись и дата в Серектасе выбивались, вероятно, от имени заказчика.

К западу от бывшей Куртинской волости располагались кочевья казахов Анракайской волости, состоявшей преимущественно из дулатов рода ботпай. В разных урочищах вдоль смежных границ этих двух волостей, а также на юге, где соседями ботпаев были их соплеменники родов жаныс и сикым Ргайтинской, Курдайской и Сейкимовской волостей, на сегодняшний день выявлено около 20 однотипных тамг дулатов. Совпадение мест нахождения казахских тамг с административными границами возникших в 1868 г. волостей указывает на нижнюю датировку самих знаков [71]. Важно отметить, что на внутренней территории обширной Анракайской волости тамги на скалах нами не зафиксированы. Вероятно, в период обострившейся к концу XIX в. земельной тесноты в Семиречье, особенно в условиях западной части региона, в Чу-Илийских горах [72], тамги и «автографы» юртовладельцев на скалах явились средством обозначения земель обособленного пользования (зимовок) различных казахских родов.

Единообразие тамг юго-восточных районов гор Чу-Или нарушают отдельные группы знаков другого типа. Так, в Тамгалы вблизи одного из древних поселений на скале выбиты три тамги и несколько зооморфных изображений (рис. 9: 3, 6). Тамги мало отличаются по цвету от расположенных рядом современных рисунков, поэтому их возраст может исчисляться лишь несколькими десятилетиями. Два знака серповидной формы соответствуют пока не идентифицированным тамгам дулатов рода жаныс из нашей архивной коллекции, о которых сказано выше. Третий знак представляет собой фигуру, подобную общеплеменной тамге дулатов, но с незамкнутой окружностью; в архивных документах такой знак не выявлен, и определение его вызывает затруднение.

Горы Тарбагатай являются одним из основных районов сосредоточения памятников наскального искусства Восточного Казахстана, в большинстве остающихся пока малоизученными. Широкий хронологический диапазон от неолита до нового времени демонстрируют памятники гор Кызылтас и Доланкара на северо-восточных отрогах Тарбагатайского хребта, исследованные в 2008 г. экспедицией КазНИИ

ПКНН. Географически этот район является водоразделом главных рек Западного Тарбагатай – Жинишке, Карасу и Аягуз, сбегających по южному склону хребта, и многочисленных притоков рек Бугаз и Базар в юго-западной части Зайсанской котловины. На южных склонах Кызылтаса, в смежных долинах Молдажар и Текебай, где берет начало р. Жинишке, выявлен крупный комплекс разновременных поселений, могильников и петроглифов. Самое значительное скопление петроглифов находится на водоразделе в средней части урочища Молдажар, на склонах и вершине большой куполообразной сопки, усеянной обломками песчаника, поверхность которых покрыта плотным «пустынным загаром».

Среди позднейших петроглифов Молдажара выделяется крупная серия казахских тамг; они нанесены на разные камни с древними рисунками и сгруппированы в определенном порядке. Все знаки процарапаны тонким инструментом, сходны по размеру (2–4 см), по начертанию напоминают тамги, воспроизводившиеся на письменных документах, и, по всей видимости, являются одновременными. В трех случаях вместе изображены по две-три «султанские» тамги (рис. 3: 3–4); два камня со знаками расположены поблизости друг от друга на южном склоне сопки, один – на ее вершине. На северо-восточном склоне находится еще один камень, на котором рядом с древними рисунками запечатлены шесть других знаков (рис. 3: 1–2); среди них уверенно идентифицируются тамги нескольких племен и родов Среднего и Старшего жузов. Знаки, хотя и изображены рядом, размещены на плоскости двумя группами: справа – одна над другой процарапаны тамга аргынов и две разные тамги найманов рода баганалы (по Гродекову); слева размещены две сходные тамги «юсуновского» типа и племенная тамга суанов [73]. Подобное сочетание родовых знаков весьма примечательно: их совместное нахождение в данном районе, вероятно, связано с каким-то значимым событием и документирует определенную историческую ситуацию, которая могла иметь место, например, во второй половине XVIII в.

К сожалению, этот период скупо освещен в письменных источниках и относится к числу малоизученных в истории Казахстана. Ценные сведения о расселении казахских племен Среднего и Старшего жузов в 1760–1780-е гг. содержатся в сочинении капитана И. Г. Андреева, которые были проанализированы Н. А. Аристовым с привлечением дополнительных данных [74]. По мнению исследователя, в первые десятилетия после разгрома Джунгарского ханства земли к юго-

западу от «камня Тарбагатай» были заняты казахами некоторых племен Старшего жуза (албан, суан, шапырашты и канлы), кочевавшими наряду с родами Среднего жуза в Алакульской котловине и окружающих ее горах. Одновременно на землях, расположенных к северу от водораздела гор Тарбагатай, происходило расселение казахов Среднего жуза – аргынов и найманов. Однако уже к началу XIX в. перечисленные племена Старшего жуза были оттеснены найманами далеко к югу, в Семиречье. Возможно, серия разнотипных родовых тамг из Молда-жар относится к тому историческому периоду, когда западная часть Тарбагатай на непродолжительное время стала смежной территорией кочевания казахских племен обоих жузов.

Таким образом, выявление и идентификация наскальных изображений родоплеменных знаков открывает дополнительные возможности для изучения истории расселения казахских племен в XVIII–XIX вв., для выяснения складывавшихся в степи на разных исторических этапах условий пользования земельными территориями, а наряду с этим – для определения той специфической роли, которую на протяжении веков играли в жизни кочевников тамги.

1. *Левшин А. И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы, 1996. С. 428; *Казанцев И.* О киргиз-кайсаках вообще (и о туркменах) с приложением 2-х карт и 6 родословных таблиц – АРГО. Р. 64. Оп. 1. Д. 13. Приложение. Л. 1, 6, 7 об.; *Андреев И. Г.* Описание Средней орды киргиз-кайсаков. Алматы, 1998. С. 46; *Гродеков Н. И.* Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области. Юридический быт. Т. 1. Ташкент, 1889. С. V, приложение 1. С. 5–6.

2. *Аристов Н. А.* Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой Орды и кара-киргизов на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и о родовых тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследований // *Аристов Н. А.* Труды по истории и этническому составу тюркских племен. Бишкек, 2003. С. 7–98; *он же.* Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // *Аристов Н. А.* Труды по истории и этническому составу тюркских племен. Бишкек, 2003. С. 99–274.

3. *Шакарим Кудайберды-улы.* Родословная тюрков, казахов, киргизов. Алма-Ата, 1990. С. 20–22, 41–84; *Тынышпаев М.* История казахского народа. Алматы, 2002. С. 66–152; *Castagne J.* Les Tamgas des Kirghizes (Kazaks) // *Revue du Monde Musulman.* Paris, 1921. Vol. 47. P. 28–64; *Аманжолов С. А.* Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Алма-Ата, 1959. С. 7–17.

4. *Ажигали С. Е.* Архитектура кочевников – феномен истории и культуры Евразии (памятники Арало-Каспийского региона). Алматы, 2002. С. 450–453, 455–466. таблица V.

5. Мырзабаев А. С., Абсеметова Д. С. Изучение петроглифов Боралдая // Культурное наследие Южного Казахстана. Шымкент, 2002. С. 124, рис. 33: 2; Досымбаева А. М. Западный Тюркский каганат. Культурное наследие Казахской степи. Алматы, 2006. С. 54–55, два фото справа внизу на с. 86.

6. Гродеков Н. И. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области. С. V, приложение 1. С. 5–6; Востров В. В., Муканов М. С. Родо-племенной состав и расселение казахов (конец XIX – начало XX в.). Алма-Ата, 1968. С. 5.

7. Там же. С. 17–20; Аристов Н. А. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой Орды и кара-киргизов на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и о родовых тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследований. С. 37.

8. Два десятилетиями раньше Ю. Д. Южаков в статье «Наши приобретения в Средней Азии. II. Чимкентский округ» (Отечественные записки. Т. 171. 1867. С. 758–759) привел следующие данные о численности тех же племен Старшего жуза: «Сарыойсунь – до 500 кибиток; в Чимкентском округе 150 кибиток; остальные в Алатавском округе; кочуют с сейкымаами; ... Чапрашты – до 12 000 кибиток; в Чимкентском округе до 250 кибиток, остальные в Алатавском; ... Адман и Суан до 25 000 кибиток в Алатавском округе и в китайской Джунгарии». В родословной таблице он указывает родовой состав *сиргели*, *ысты*, *дулатов* со многими их отделениями, но об *албан*, *суан*, *шапырашты* и *сарыуйсын* поясняет, что «названия отделений нам неизвестны, так как эти роды кочуют или в Алатавском округе (в ведомстве Западно-Сибирского генерал-губернаторства), или в китайской Джунгарии» (Там же. С. 777).

9. Аристов Н. А. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой Орды и кара-киргизов на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и о родовых тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследований. С. 27–30, 32, 37.

10. Аманжолов С. А. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. С. 11.

11. Так, на основании формального сходства тамг (по Гродекову) С. А. Аманжолов отнес к племени *шапырашты* род *шымыр* племени *дулат* и... *бестамгалы* – административное объединение (!) пяти племен Старшего жуза (*ысты*, *ошакты*, *шапырашты*, *жалайыр* и *сиргели*), существовавшее со времени кокандского господства на юге Казахстана (Южаков Ю. Д. Наши приобретения в Средней Азии. II. Чимкентский округ. С. 759); также по сходству тамги «донгелек» к *дулатам* отнесены разные рода Старшего и Младшего жузов (Аманжолов С. А. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. С. 16). Далек от истины и высказанные автором мысли, что «неправильное расположение тамговых знаков больше всего зависит от переписчиков, их почерка» и «не имеет значения, как поставить тамгу»: здесь скрупулезный анализ оригинальных источников, включая эпиграфические, подменен С. А. Аманжоловым умозрительными рассуждениями (Там же. С. 15).

12. Востров В. В., Муканов М. С. Родо-племенной состав и расселение казахов (конец XIX – начало XX в.). С. 39–45.

13. Аргынбаев Х., Муканов М., Востров В. Қазак шежіресі хақында. Алматы, 2000. 48–49 б. В сводной таблице казахских родоплеменных знаков филолог А. Сейдымбек приводит без точного указания на источники тамги племени *албан* и его отделений, которые отличаются от вариантов, предложенных Н. И. Гродековым и др. исследователями. См.: Қазақтың аузша тарихы. Астана, 2008. 4, 663 б.

14. По-видимому, с подобной проблемой столкнулись и современные исследователи тамг казахов Младшего жуза: «Следует отметить, что опрос многочисленных информаторов (среди которых было немало знающих аксакалов почтенного возраста) фактически не дал ничего нового в отношении тамг» (*Ажигали С. Е.* Архитектура кочевников – феномен истории и культуры Евразии. С. 451).

15. Фонды ЦГА РК: И-3, И-15, И-19, И-21, И-41, И-44, И-118, И-145, И-338, И-374, И-383.

16. *Жанаев Б. Т.* Архивы Казахстана в 1920–1930-е гг.: хроника потерь // Научные чтения памяти Н. Э. Масанова: Сб. мат-лов науч.-практ. конф. Алматы, 2009. С. 64–73.

17. ЦГА РК. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 604. Л. 15.

18. ЦГА РК. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 623. Л. 9 и об.

19. ЦГА РК. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 5442. Л. 43.

20. «Его превосходительству исправляющему должность туркестанского генерал-губернатора господину генерал-лейтенанту Колпаковскому пятидесятников и десятников киргиз № 4 аула Сейкумовской волости Верненского уезда прошение. По милости великого нашего государя киргизы джанисского рода в числе 146 кибиток до сего времени жили в Сейкумовской волости. Ныне, желая приписаться к одноплеменникам своим, живущим в Аулиеатинском уезде Джанисской волости, просим волостного нашего управителя о снабжении нас увольнительным удостоверением... всенижайше просим не оставить дозволить нам присоединиться к родственникам и братьям нашим, живущим в Джанисской волости Аулиеатинского уезда. Просители в числе 17 человек приложили свои тамги. 10 августа 1879 г. Переводил титулярный советник Шихалибеков». – ЦГА РК. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 40291. Л. 2–3.

21. *Востров В. В., Муканов М. С.* Родо-племенной состав и расселение казахов (конец XIX – начало XX в.). С. 28–29.

22. Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв. Сборник документов и материалов. Алма-Ата, 1961. Док. № 156. С. 407; *Востров В. В., Муканов М. С.* Родо-племенной состав и расселение казахов (конец XIX – начало XX в.). С. 26–27; *Аристов Н. А.* Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой Орды и кара-киргизов на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и о родовых тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследований. С. 38–39.

23. *Аристов Н. А.* Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой Орды и кара-киргизов на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и о родовых тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследований. С. 38.

24. Из рапорта капитана Балицкого, занимавшегося в 1868 г. организацией Сарытокумовской волости: «...ныне на Таукуме образовал волость из рода сары-уйсюн, наименовав ее Сары-Таукумской, состоящую из 1230 юрт, включив в состав ее разные роды и отделения, кочующие врозь по всему Таукуму и нигде не бывши причисленными; из двух отделений р[ода] чемыр и р[ода] бутпай также образовал аул и причислил к этой же волости. Чемыры и бутпай, хотя мною на месте и были переписаны, но долго упрямылись и не присылали выборных, что замедлило дело. Они настоятельно меня просили, одни – чтобы причислить их к Ахмеджану, а другие – к Даутали, куда они послали несколько человек выборных, объявив мне, что нового аула составлять не желают. Невзирая, однако, на ихнюю просьбу, буквально руководствуясь проектом Положения и предписания, я пригласил их составить аул и участвовать

в выборе волостного старшины и биев, тем более что я заметил, что они лавируют по Таукуму, чтобы нигде не быть причисленными». – ЦГА РК. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 28959. Л. 383–384. Даутали Боктыбаев – волостной управитель Чемыровской волости Токмакского уезда; Ахмеджан Дауталиев (Даулет-Алиев) – кандидат волостного управителя Ботпай-Чемыровской волости Верненского уезда.

25. *Аристов Н. А.* Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой Орды и кара-киргизов на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и о родовых тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследований. С. 39.

26. ЦГА РК. Ф. И-374. Оп. 1. Д. 1669. Л. 60, 62 об.; Ф. И-3. Оп. 1. Д. 625. Л. 50–51 об.; Ф. И-44. Оп. 1. Д. 29821. Л. 6 об. – 8.

27. *Аргынбаев Х., Мұқанов М., Востров В.* Қазақ шежіресі хақында. 35–90, 110–136 б.

28. ЦГА РК. Ф. И-374. Оп. 1. Д. 1669. Л. 119, 124 об., 127.

29. ЦГА РК. Ф. И-374. Оп. 1. Д. 1669. Л. 48, 60, 62 об.

30. ЦГА РК. Ф. И-374. Оп. 1. Д. 1669. Л. 118–119, 124–125.

31. ЦГА РК. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 30358. Л. 34 и об.; Д. 30696. Л. 27; Д. 39090. Л. 16–17 об., 26 и об.; Д. 21343. Л. 625.

32. ЦГА РК. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 93. Л. 140 и об.; Д. 40088. Л. 4 и об.; Ф. И-3. Оп. 1. Д. 562. Л. 123.

33. ЦГА РК. Ф. И-374. Оп. 1. Д. 1669. Л. 127.

34. ЦГА РК. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 332. Л. 38; Ф. И-374. Оп. 1. Д. 1669. Л. 5, 60.

35. ЦГА РК. Ф. И-374. Оп. 1. Д. 1669. Л. 5, 119, 124 об.

36. ЦГА РК. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 615. Л. 2 об., 11; Д. 623. Л. 10.

37. ЦГА РК. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 93. Л. 141 и об.

38. «Базиль Туганбаев, батыр рода джаньыс». См.: О почетнейших и влиятельнейших ордынцах: алфавитные, именные, формулярные и послужные списки. 12 ноября 1827 г. – 9 августа 1917 г. / История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв. Т. VIII. Ч. 1. Алматы, 2006. С. 604.

39. ЦГА РК. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 615. Л. 2 и об.

40. ЦГА РК. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 562. Л. 124 и об.

41. ЦГА РК. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 414. Л. 11; Д. 438. Л. 11 об.

42. ЦГА РК. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 40291. Л. 5; Ф. И-3. Оп. 1. Д. 615. Л. 2 об.

43. ЦГА РК. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 40585. Л. 7 об.

44. *Изразцов Н.* Обычное право (адат) киргиз Семиреченской области // Этнографическое обозрение. 1897. № 3. С. 67–94.

45. ЦГА РК. Ф. И-64. Оп. 1. Д. 4236. Л. 141 об.

46. ЦГА РК. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 604. Л. 333; Ф. И-374. Оп. 1. Д. 1669. Л. 5 об., 60 об., 63; Ф. И-44. Оп. 1. Д. 28959. Л. 568; Д. 37196. Л. 15.

47. ЦГА РК. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 625. Л. 21, 32 об.

48. ЦГА РК. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 604. Л. 15; Д. 625. Л. 21; Ф. И-41. Оп. 1. Д. 780. Л. 15.

49. ЦГА РК. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 37196. Л. 34 об., 127 и об., 128 об. – 129, 130 об.; Д. 21343. Л. 225 об., 236.

50. ЦГА РК. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 37196. Л. 34.

51. ЦГА РК. Ф. И-41. Оп. 1. Д. 780. Л. 21 об.

52. ЦГА РК. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 170. Л. 91 и об.

53. ЦГА РК. Ф. И-374. Оп. 1. Д. 1669. Л. 5.
54. ЦГА РК. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 48139. Л. 136 об., 147 об.
55. ЦГА РК. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 582. Л. 24.
56. ЦГА РК. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 48139. Л. 7 об. – 8, 10–11, 29, 121–123, 136–138, 147–148 и др.
57. *Арғынбаев Х., Мұқанов М., Востров В.* Казак шежіресі хақында. 63 б.
58. ЦГА РК. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 501. Л. 268; Д. 562. Л. 232 об.; Ф. И-374. Оп. 1. Д. 1669. Л. 63.
59. ЦГА РК. Ф. И-383. Оп. 1. Д. 6. Л. 123 об.; Ф. И-145. Оп. 1. Д. 6. Л. 58 об., 167 и об.
60. ЦГА РК. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 30554. Л. 40 об.
61. *Пантусов Н. Н.* Кегеньский Арасан // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Т. 17. Вып. 1–6. Казань, 1901. С. 133–134.
62. Научный архив ИИМК РАН. Рукописный архив. Ф. 1. 1901 г. Д. 2. Л. 122.
63. *Аристов Н. А.* Усуни и кыргызы или кара-кыргызы. Бишкек, 2001. С. 526.
64. *Голубев А.* Отрывок из путешествия в Среднюю Азию. Заилийский край // Записки ИРГО. Кн. 3. СПб., 1861. С. 93.
65. *Аристов Н. А.* Усуни и кыргызы или кара-кыргызы. С. 526–527. Из предписания военного губернатора Семипалатинской области Г. А. Колпаковского исправляющему должность начальника Алатавского округа подполковнику Н. Е. Фридериксу от 17 февраля 1866 г. № 619: «...уведомляю, что я согласен на утверждение поименованных в представленном вами ко мне при том донесении списке лиц в должности волостных управителей по Большой и Дикокаменной бугинской орде, за исключением только Качегана и Байгана, так как вина их заключается не в одном намерении укочевать в Китай, это было продолжение первой самой главной вины, заключавшейся в том, что Качаган и Байгана, Айдар и Даркесбай сделали явное ослушание неоднократно моим приказаниям воздержаться от баранты калмыков, первые начали грабить их, убивать и увозить в плен людей; они же разграбили до основания на урочище Сюмбе буддийский монастырь, за что подлежали бы военному суду, но только из уважения к их семейному положению понесли исправительную меру наказания временным содержанием в Семипалатинске на гауптвахте; освобождение от суда и возвращение на родину составляет для них величайшую милость. Назначать же волостными управителями еще рано...». – ЦГА РК. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 562. Л. 287–287 об. Байгана Ирсарин был до 1865 г. волостным управителем Кызылбурковской волости (кызылборик), Качаган Аулев – Бузумовской волости (бозым).
66. Решение поземельных споров между кочевниками путем обмена или передачи кочевых угодий и пахотных участков в условное пользование на основе обоюдного согласия сторон было обычным в практике административного управления после реформы 1867 г. Так, например, в 1871–1872 гг. пять волостей казахов-дулатов Токмакского уезда переселились в Верненский уезд, в то время как их земли отошли в надел кыргызам-сарыбагышам (*Жанаев Б. Т.* Центральная часть региона Чу-Илийских гор во второй половине XIX – начале XX в.: архивные документы // *Ерофеева И. В., Аубекеров Б. Ж., Рогожинский А. Е. и др.* Аныракайский треугольник: историко-географический ареал и хроника великого сражения. Алматы, 2008. Док. № 11. С. 220–222).

67. *Пантусов Н. Н.* Куртынын-Капчагай и Джалпак-тас (Куртинской волости Верненского уезда) // ПТКЛА. Год IV. Ташкент, 1899. С.62–67.

68. Научный архив ИИМК РАН. Рукописный архив. Ф. 1. 1896 г. Д. 230. Л. 42–43.

69. ЦГА РК. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 21343. Л. 607.

70. ЦГА РК. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 37122. Л. 2; Д. 30554. Л. 132 и об.

71. *Ерофеева И. В., Аубекеров Б. Ж., Рогожинский А. Е. и др.* Аныракайский треугольник: историко-географический ареал и хроника великого сражения. Алматы, 2008. С. 127–128, рис. 45, 50.

72. *Аристов Н. А.* Краткий исторический очерк поземельного владения в Семиреченской области и настоящее его положение // *Аристов Н. А.* Труды по истории и этническому составу тюркских племен. Бишкек, 2003. С. 347–359; *Ерофеева И. В., Аубекеров Б. Ж., Рогожинский А. Е. и др.* Аныракайский треугольник: историко-географический ареал и хроника великого сражения. С. 147–149, 227–261.

73. Сходный по форме знак распространен также у части родов найманов, но положение его чаще иное, произвольное, как видно на многих архивных документах (*Конишин Н. Я.* К истории открытия Кокпектинского округа // Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела ИРГО. Вып. 11. Семипалатинск. 1905. С. 104–105; *Муканов М. С.* Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза. Алма-Ата, 1974. С. 45).

74. *Андреев И. Г.* Описание Средней орды киргиз-кайсаков. С. 74–77; *Аристов Н. А.* Усуни и кыргызы или кара-кыргызы. С. 439–441.

Түйін

Негізгі библиографиялық деректемелерге жүргізілген критикалық талдауға сүйене отырып, автор мақалада Н. И. Гродеков, Н. А. Аристов, С. А. Аманжолов сынды ХІХ–ХХ ғғ. зерттеушілерінің еңбектерінде Ұлы жүз қазақтарының рулық таңба-белгілері туралы айтылған теңестірулерінде біршама қателіктердің бар екенін көрсетеді. Таңбалардың дұрыс сызбасын табу үшін автор мұрағат материалдарын қарастырады: Қазақстанның Орталық мемлекеттік мұрағатының 11 қорынан алынған 250 істі зерделей отырып, Ұлы жүздің сарыүйсін, дулат, албан, суан, жалайыр және шапырашты сияқты негізгі тайпаларының 300-ден астам таңбаларын сәйкестендірді. Мұрағаттық мәліметтерді жүйелеу, сондай-ақ 2007–2008 жж. этнографиялық сұраулар мен бұрын белгілі болмаған тарихи деректерді жүйелеу авторға келесі мәліметтерді жасауға мүмкіндік берді: 1) сарыүйсін, дулат, албан, суан тайпаларының жалпы тайпалық таңбаларының ұқсастығы; 2) шапырашты тайпасының көптеген рулар таңбаларының біртектестігі; сондай-ақ, 3) Сырдария облысы мен Жетісу жалайырларының таңбасындағы палеографияның айырмашылығы. Қорытындылай келе, автор Шығыс Қазақстан мен Жетісуда табылған ХVІІІ–ХІХ ғғ. Ұлы жүз қазақтарының тасқа салынған таңба суреттерінің тарихи түсіндірмесі мен сәйкестендірулеріне мысал береді.

ИСТОЧНИКИ		САРЫУЙСЫН	АЛБАН	СУАН	ДУЛАТ				ЖАЛАЙЫР	ШАПЫРАШТЫ
ПЛЕМЯ	Гродеков, 1889.									
	Аристов, 1894.									
	Тынышпаев, 1925.									
	Аманжолов, 1959.									
	Востров, Муканов, 1968.									
	Аргынбаев, Муканов, Востров, 2000.									
РОД	Гродеков, 1889.				БОТПАЙ	СИКЫМ	ШЫМЫР	ЖАНЫС		
	Аристов, 1894.									
	Тынышпаев, 1925.									
	Аманжолов, 1959.									
	Востров, Муканов, 1968.									
	Аргынбаев, Муканов, Востров, 2000.									
ОТДЕЛЕНИЕ	Гродеков, 1889.				КОРАЛАС		БЕКБОЛАТ, ВЕСТЕРЕК, САМБЕТ, ШЫНКОЖА			ШЫБЫЛ
	Аристов, 1894.									
	Аманжолов, 1959.									

Рис. 1. Сравнительный анализ основных библиографических источников по тамгам казахов Старшего жуза

ПЛЕМЯ	САРЫУЙСЫН	АЛБАН						СУАН	ДУЛАТ					
РОД		КЫЗЫЛБОРИК	КОНЬСЫБОРИК	ШОГАН	АТЖАН	ЖАРТЫ	АЙТ	КОЗЫМ	ТОКАРЫСТАН	БОЗБАЙ			ЖАНЫС	
ОТДЕЛЕНИЕ		АЛАМАН			КЫСТАК		БАБА, ЖАНЫМБЕК		ТУРСЫН	КУДАЙКОЛ			КАСКАРАУ, БАЙЫС	

Рис. 2. Тамги казахов Старшего жуза: сарыуıйсын, албан, суан, дулат (по архивным документам XIX в.). ЦГА РК

Рис. 3. Восточный Казахстан, Тарбагатай, уроч. Молдажар. Петроглифы с тамгами казахов Старшего и Среднего жузов (1, 2) и султанов (3, 4). Фото и прорисовка А. Е. Рогожинского. 2008 г.

	ЖАЛАЙЫР									ШАПЫРАШТЫ				
ПЛЕМЯ														
РОД	БАЙШЕГІР	СЫРШЫ	БАЛГАЛЫ	АНДАС	КУШИК	МЫРІА	КАРАШАПАН	ОРАҚТЫ	СЫПАТАЙ	ЕКЕЙ	ЕМІЛ	ШЫБЫЛ	АСЫЛ	АЙҚЫМ
ОТДЕЛЕНИЕ														

СУЛТАНЫ	
1	2
3	4
5	6
7	8
9	10
11	12
13	14
15	16

Рис. 4. Тамги казахов Старшего жуза: жалайыр, шапырашты (по архивным документам XIX в.). ЦГА РК

Рис. 5. Тамги султанов Старшего жуза (по архивным документам XIX в.). ЦГА РК

Рис. 6. Семиречье, Чу-Илийские горы, уроч. Серектас. Общий вид стоянки XIX в. и скалы (1) с тамгой шапырашты, именной надписью (2) и датой 1869 г. (3). Фото А. Е. Rogozhinskogo. 2007 г.

Рис. 7. Семиречье, Кегенский арасан. Скала с тибетскими надписями и казахскими тамгами XIX в. (1 – фото А. Е. Рогожинского, 2008 г.) 2, 3 – фото Н. Н. Пантусова, 1900 г. НА ИИМК РАН. РА. Ф. 1. 1901 г. Д. 2. Л. 122

Рис. 8. Семиречье, Чу-Илийские горы, р. Караеспе. Н. Н. Пантусов со спутниками у колодца и скалы (1) с изображениями тамг (2). Фото Н. Н. Пантусова, 1897 г. НА ИИМК РАН. РА. Ф. 1. 1896 г. Д. 230. Л. 42–43

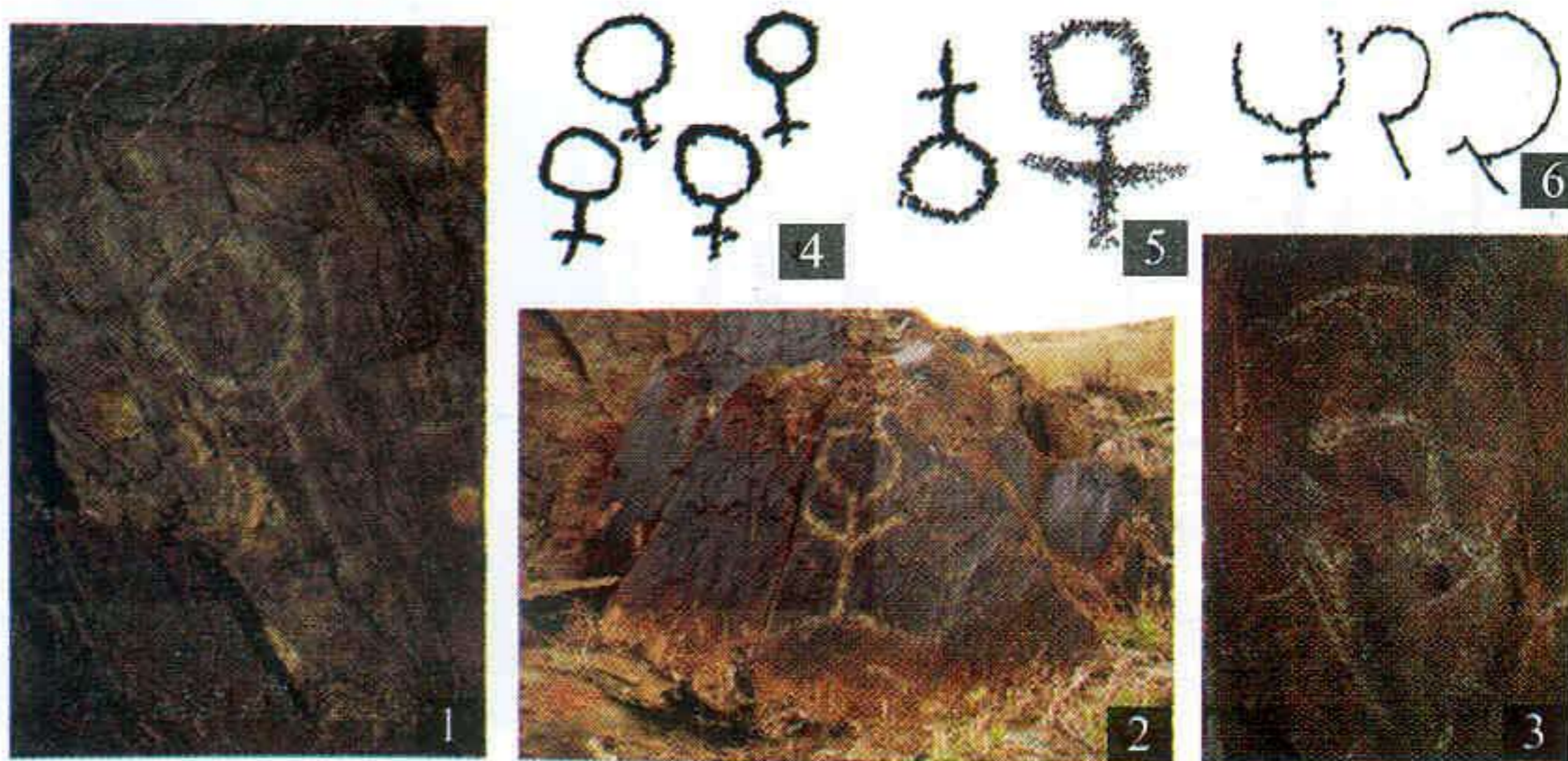

Рис. 9. Семиречье, Чу-Илийские горы. Наскальные изображения казахских тамг XIX в. из Кулжабасы (1, 2 – фото Р. Сала, 2003 г.), Тамгалы (3, 5, 6) и Аккайнара (4). Фото 3 и прорисовки А. Е. Рогожинского, 2004 г.